РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Первых проявлений стратегии "товарища Цейтлина" не пришлось ждать слишком долго. Это произошло в одно холодное январское утро 1930 года, когда люди еще спали: тогда были арестованы пятнадцать жителей села. Кто-то рассказывал, что в село в полночь приехали гепеушники; с помощью сельских активистов запихнули арестованных в свой "чёрный воронок" и исчезли до того, как село проснулось ото сна.

Среди арестованных были наиболее видные местные граждане: школьный учитель, который работал в нашем селе еще с дореволюционных времен; один из сельсовета, авторитетный и влиятельный человек, который каждому мог дать совет по разным вопросам, касающимся закона; владелец сельского магазина. Остальные были обычные хозяева, имевшие хорошую репутацию. Никто не знал ни того, за какие грехи их арестовали, ни того, куда их вывезли.

Все это пугало. Село за одну ночь лишили солидных людей из общины. Таким образом сельские жители – в большинстве тёмные и необразованные – стали еще более беззащитными. Вскоре после этого семьи арестованных выгнали из их хат.

Я был свидетелем, как выгоняли одну такую семью. Мы жили неподалеку от одного из арестованных по имени Тимош Запорожец, которого мы, дети, звали просто "дядька Тимош".

Около полудня в хату пришли несколько человек из сельского начальства. Старший из них встал перед женой дядьки Тимоша и объявил, что поскольку её мужа арестовали как "врага народа", вся его собственность должна быть немедленно конфискована в пользу государства.

Сбитая с толку и растерявшаяся женщина пробовала спорить и что-то доказывать этим активистам. Она спрашивала их, что плохого её муж сделал людям, что его назвали "врагом народа"? Но активисты не собирались вступать с ней ни в какие дискуссии. Они только повторили приказ выбраться из хаты. И добавили, что она может взять только свои собственные и детские вещи, например одежду. Всё остальное должно оставаться там, где оно лежит.

Лишь теперь женщина осознала, что эти люди говорили всё это не шутя. Со слезами на глазах молила она разрешить хотя бы переночевать с детьми в хате, чтоб одёжку собрать. Но её мольбы были напрасны. Приказ опять был повторен, и в тот же миг она потеряла сознание и упала на пол. Дети заплакали. Старший приказал поднять её и вынести на улицу, где перед хатой уже стояли наготове сани. Как раз в эту минуту она пришла в сознание и, плача, сказала активистам, что им некуда идти. Ведь эта хата была их домом много лет. Она сама со своим мужем и детьми строила её.

Но ни слёзы, ни уговоры ничем не помогли. Активисты только подгоняли её, чтобы быстрее собиралась. Старший взял женщину за плечи. Пронзительно вскрикнув, она вырвалась. Тогда он приказал выволочь её из хаты. Когда они ухватились за неё, она стала отчаянно сопротивляться, хватая их за волосы. Наконец её всё же выволокли во двор и бросили в сани. Пока двое мужчин держали её там, из хаты вынесли детей. Вслед за ними швырнули в сани кое-что из вещей и повезли прочь. Вот так жена дядьки Тимоша, придерживаемая двумя активистами в санях, крича и рыдая вместе с детьми, исчезла в сумерках зимнего дня.

Позже мы узнали, что их отвезли на железнодорожную станцию и бросили в специальный товарный поезд, который ехал на север. Такая же судьба постигла семьи и остальных арестованных. Мы никогда больше ничего о них не слыхали.

Через несколько дней после ареста тех пятнадцати односельчан и выселения их семей исполнитель из сельсовета созвал нас на собрание. Собрание проводилось в бывшей хате дядьки Тимоша Запорожца. Внутри она совершенно изменилась. Внутренние стены, которые делили её на три комнаты, выби-

ли, и таким образом получилось что-то вроде зала, где стояли лишь кое-как сбитые дощатые лавки. Теперь мы все поняли, что дядька Тимош стал жертвой своей собственной хаты. Начальство арестовало его, поскольку нуждалось в большем помещении.

На этом собрании объявили, что в нашем селе вводится новое административное деление. Вначале это не вызвало у нас никакого подозрения. Село просто должно быть поделено на отдельные участки и подучастки, которые назывались стохатки, десятихатки, пятихатки – вот и всё.

Тогда я еще был подростком и, конечно же, совсем не думал, к чему приведёт такое деление. Лишь потом я осознал, в какую безвыходную ситуацию попали мы с этой системой-капканом. Благодаря такому четвертованию села на отдельные участки тысячник со своей ватагой партийцев мог установить самый бдительный контроль над крестьянами. И даже больше – теперь ему легче было выявить и придавить любую попытку сопротивления партийной политике и таким образом быстрее коллективизировать село.

В нашем селе, как я уже говорил, было приблизительно восемьсот хозяйств и четыре тысячи жителей. Теперь его разделили на 8 стохаток, 80 десятихаток и 160 пятихаток, всего на 248 единиц. Поскольку на каждую единицу сельсовет назначил по одному ответственному лицу, наше село получило сразу 248 маленьких официальных начальников. Кроме того, к каждой стохатке прикреплялся специальный пропагандист, а на каждую десятихатку и пятихатку приходилось по одному агитатору. Это удвоило количество активистов до 496. Дополнительно в каждой стохатке организовали так называемые хлебозаготовительные комиссии.

Такие комиссии создавались в сёлах по всей Украине. Сперва она была только одна на всё село. А теперь, с началом коллективизации, они размножились соответственно количеству стохаток. Контролируемые компартией, эти комиссии, а затем еще и "бригады", организовались лишь для того, чтобы "выкачать" определенное количество зерна для государства. Позднее, когда началась уже сплошная коллективизация и провозгласили курс на "ликвидацию кулака" как класса, эти комис-

сии стали ударной силой для оганизации колхозов и экспроприации собственности "кулаков". Фактически они сделались бесконтрольными правителями в сельской местности.

Новые хлебозаготовительные комиссии состояли из десяти, а то и больше членов каждая. Умноженные на восемь, они увеличили численность отряда активистов в нашем селе до 576 членов. Наконец, были еще постоянные исполнители, своего рода сельские милиционеры, которых сельсовет назначал по трое на каждую стохатку – всего 24 души.

Это было немалое начальство: оно имело право арестовывать людей без каких-либо юридических формальностей. Таким образом всего мы имели каких-нибудь 600 низовых активистов – по 75 на каждую стохатку. То есть выходит, что каждую стохатку контролировало аж 75 человек. Но общее количество разного рода надсмотрщиков было больше, если учесть 35 членов сельсовета и 17 должностных лиц в правлении колхоза. Короче говоря, если взять всех вместе, то на село приходилось 652 активных прихлебателя, то есть на каждых 6 простых жителей приходилось по одному доверенному надсмотрщику от партии.

Большинство из этих назначенных на ответственные посты были из простых крестьян, которые таким образом оказались в очень неудобном положении. Ничего на свете они так ни ненавидели, как это колхозное управление, а между тем они же становились орудием внедрения его в жизнь, им приказывали делать так, а не иначе, будто солдатам в армии. И им не оставалось ничего иного, как выполнять приказы. Лица, на которые возлагались определенные функции в таких органах или учреждениях, считались официальными, неважно, были они на государственной службе, или нет. Титул "официального лица" определялся тем, что он наделял носителя почти неограниченными правами. Действительно, представитель любого административного органа или учреждения имел всю полноту права приказывать и требовать. Поэтому всё, что имело хоть какое-то отношение к власти, нагоняло страх на простого крестьянина, а принадлежность к ней давала человеку большие или меньшие привилегии.

Простой крестьянин мог стать официальным лицом, едва он попадал в состав какой-нибудь комиссии, комитета, бригады

или группы, созданной для тех или иных управленческих функций.

Согласно компартийным понятиям, принадлежать к сонму советских активистов было большой честью. Отказ от официальных функций расценивался как проявление нелояльности к советскому режиму, а значит как непростительное преступление.

Каждый, кто отказывался от официального назначения или не хотел действовать как активист, тем самым обрекал себя на худшую кару как подозреваемый в том, что он враг народа. Эта политика осуществлялась так тщательно, что очень редко кому хватало духа отказаться от выборного назначения или проявить какие-то оппозиционные настроения.

Чтобы иметь основания требовать от своих подопечных исполнения определенных обязательств перед государством, активист должен был сам их выполнять и тем самым показывать пример другим. Неисполнение обязанностей могло повлечь обвинение в отказе подчиняться партии и правительству. Вынужденные призывать народ к вступлению в колхоз и сдаче хлеба государству, активисты должны были сначала сами записаться в колхоз и полностью выполнить возложенные на них нормы хлебосдачи.

Раньше в селе была одна власть: сельский совет, избранный на общем собрании села, – он выделял из своего состава исполнительный комитет, председателя и секретаря. В то время такие политические организации, как компартия и комсомол, еще не играли особой роли в системе сельской администрации, поскольку и самих коммунистов и комсомольцев в нашем селе было очень мало.

С введением сплошной коллективизации этот орган местного самоуправления был, по сути, ликвидирован. И общее сельское собрание, и сельсовет потеряли всю власть. Всё перешло в руки партийной организации, количество членов которой в нашем селе начало очень быстро расти.

Сельская парторганизация, взяв на себя все функции сельсовета, стала фактическим хозяином села и диктовала свою волю общему сельскому собранию, вследствие чего это собрание стало марионеткой коммунистов. То же случилось с сельским

советом. Только члены партии и комсомола или лица, абсолютно верные партии и правительству, могли быть избраны или назначены на ключевые посты в сельсовете.

Примерно в одно время с приездом тысячника в нашем селе возникли две новые инстанции: спецотдел и рабоче-крестьянская инспекция. Они обе сделались угрозой в нашей жизни.

Спецотдел представлял собой орган ГПУ, тайной политической полиции. Официально в нём числился лишь один сотрудник, который имел свой кабинет в помещении сельсовета и всегда ходил в форме ГПУ. Как он вербовал в этом кабинете своих агентов, кто были теми агентами – это оставалось тайной. Но все считали, что в каждой стохатке было по одному агенту, чтобы информировать ГПУ о каждом шаге жителей его стохатки.

Рабоче-крестьянская инспекция была местным филиалом народного комиссариата с таким же названием. Позднее этот комиссариат существовал в виде Комиссии Советского Контроля. Инспекция должна была проверять работу государственных органов, политическую лояльность и профессиональную пригодность госслужащих. С переходом к сплошной коллективизации партия и правительство обязали этот комиссариат контролировать выполнение партийных предначертаний в области сельского хозяйства.

Рабоче-крестьянская инспекция также имела в нашем селе лишь одного представителя. Он, конечно, был неместный. Ему в помощь была назначена комиссия из пяти местных. У него тоже были свои секретные агенты, которые доносили ему на местных должностных лиц. Выявив какие-то несоответствия, он брал на себя роль и следователя, и судьи, чей приговор не подлежал обжалованию.

Чтобы воплотить в жизнь курс на коллективизацию, партия и правительство мобилизовали все свои силы в центре и на местах, то есть весь партийный пропагандистский аппарат, армию, тайные и явные карательные органы – и, собственно, все свои учреждения и организации. Самой активной и самой действенной силой в руках местных партийцев были такие политические образования как комсомол, пионерия и комбеды.

Комсомол – это аббревиатура от названия Коммунистического Союза Молодёжи, основанного в 1918 году. Членами этой организации, которая считалась резервом компартии, могли быть молодые люди в возрасте от четырнадцати до двадцати шести лет. Им отводилось второе место в советской политической иерархии. Комсомольская молодежь оказалась наиболее энергичной опорой коммунистов в нашем селе. По активности и рвению на всех участках они шли сразу за партийцами. Вожаком комсомольской ячейки был присланный из центра кандидат в члены партии.

Пионерская организация была политическим объединением школьников от восьми до четырнадцати лет. Членов этой детской организации использовали в двойной роли: как связных и как агентов. Широко известное дело Павлика Морозова может быть наглядным примером, как компартия и правительство использовали детей в своих планах. Сын крестьянина-бедняка, он жил где-то за Уралом в Сибири. Этот четырнадцатилетний школьник за ночь стал знаменитым на весь Советский Союз тем, что донёс на своего отца и на соседей, которые припрятывали хлеб от государства. Разоблачённые им крестьяне, в том числе и отец Павлика, были арестованы и исчезли без следа. А самого Павлика убили возмущённые односельчане, среди которых был и его родной дядя. Вся советская пропагандистская машина взялась прославлять Павлика и сделала его национальным героем. Его именем назвали огромное количество сёл, различных учреждений, улиц и военных частей. История Павлика Морозова вошла во все советские энциклопедии и словари.

Итак, партия поощряла детей, особенно тех, которые состояли в пионерской организации, следить за своими родителями и выдавать их, а также доносить на всех, кто проявлял непокорность партии. Такие доносы считались героическими подвигами и лучшей формой проявления советского патриотизма.

Комбеды – это аббревиатура от так называемого Комитета Бедных Крестьян. Такие комитеты сначала были созданы в России летом 1918 года местными парторганизациями из батраков и бедных крестьян; там они были известны под сокращенным названием "комбеды". А украинские "комнезамы" = "комбеды" появились лишь в мае 1920-го, когда большевики в

третий раз оккупировали Украину. Российские комбеды были вскоре распущены (постановлением Шестого Всероссийского Съезда Советов 6–9 ноября 1918 г.), но в Украине комитеты бедняков просуществовали аж до 33-го года и стали одним из самых эффективных орудий агрессивной коммунистической политики в украинском селе. Комбед был важной приметой каждого украинского села. На него возлагалась двойная задача: осуществлять революционные преобразования в селе и помогать государственным органам силой забирать у крестьян хлеб для государства. В Украине эти комитеты были также орудием коллективизации сельскохозяйственного производства. Короче говоря, они прославились как органы диктатуры пролетариата над украинским крестьянством.

Запускалась в действие громадная чудовищная махина коллективизации, которая перемалывала всё, что попадало в её шестерёнки: она тянула, она подталкивала, она уничтожала. Люди были её движущей силой, и люди же её обслуживали. Безжалостная и ненасытная, один раз пущенная в ход, она уже не могла остановиться и поглощала всё больше и больше жертв. Стохатки, десятихатки и пятихатки с их помощниками, пропагандистами, агитаторами и исполнителями: комсомолом, пионерией, комбедами; общие собрания в селе, сельсовет, его исполком – всё это были колёсики уродливого механизма, которым орудовал опытный машинист – партия.